

МЕЖДУ ВЧЕРА И ЗАВТРА



Роман Никитин

Между вчера и завтра

<https://litres.ru/74219357>

SelfPub; 2026

Аннотация

Историк Андрей Волков находит в старой часовой мастерской часы, которые позволяют путешествовать во времени. Но это не игра — каждое перемещение меняет реальность, каждое спасение кого-то из прошлого может уничтожить другого. Отправляясь в СССР 1968-го, в Россию 1991-го и в далёкое будущее 2090-го годов, он встречается своего пропавшего отца, пытается спасти мать и понять главное: можно ли изменить мир, не потеряв себя? Пронзительная история о выборе, любви и о том, что делает нас людьми — даже когда у нас есть власть над временем.

Роман Никитин

Между вчера и завтра

МЕЖДУ ВЧЕРА И ЗАВТРА

Пролог

Часы, которые помнили время

Дом стоял на окраине города, там, где асфальт переходил в грунтовку, а фонари горели через один, будто экономили электричество даже от самого времени. Его никто не сносил почти сорок лет, и теперь он напоминал старика, который слишком долго ждал смерти и начал привыкать к своему состоянию.

Окна были заколочены досками, но сквозь щели пробивался тусклый свет — странный, желтоватый, будто внутри горела старая керосиновая лампа, а не электричество. Входная дверь висела на одной петле и открывалась внутрь с протяжным скрипом, похожим на вздох.

Внутри пахло временем.

Не тем временем, что измеряют часами или календарями. Пахло высохшим деревом, старым металлом, машинным маслом и чем-то ещё — сладковатым, едва уловимым, как запах давно засохших цветов, которые кто-то положил между страниц книги.

В центре комнаты стоял дубовый стол. Массивный, с рез-

ными ножками, он казался неуместным в этом запустении — слишком живым, слишком настоящим. На столе лежали инструменты: пинцеты, маленькие отвёртки, лупа с потрескавшейся рукояткой. Рядом — шкатулка из тёмного дерева, инкрустированная перламутром. Она была открыта.

Внутри, на бархатной подушке, лежали часы.

Они не походили ни на одни, которые можно было увидеть в современном магазине или антикварной лавке. Корпус из пожелтевшей бронзы, циферблат из слоновой кости, стрелки, выточенные вручную, — каждая с уникальным узором, который невозможно было повторить даже самому искусному мастеру. Вместо цифр на циферблате были нанесены странные символы — не римские, не арабские, не похожие ни на один известный алфавит.

И часы шли.

Но не так, как должны были идти механические часы. Их стрелки двигались неравномерно: то замирали на несколько секунд, то начинали вращаться с бешеной скоростью, то останавливались вовсе, а затем начинали двигаться назад.

Казалось, они измеряли не время, а что-то другое. Что-то, чему нет названия на человеческом языке.

Человек, который сидел за столом, был стар. Очень стар. Его лицо напоминало пергамент — тонкая, почти прозрачная кожа, испещрённая морщинами, как старая карта. Глаза его были закрыты, но веки подрагивали, будто он видел сны наяву. Руки лежали на столе, пальцы слегка касались часов,

словно он пытался услышать их голос.

— Ты придёшь, — прошептал он. Голос его был тихим, но не слабым. В нём слышалась уверенность человека, который знает больше, чем должен знать. — Ты обязательно придёшь. Потому что время не терпит пустоты.

Он открыл глаза.

В них отражались не комнатные сумерки. В них отражались годы — целые эпохи, сменяющие друг друга, как кадры старой киноплёнки. Он видел 1968 год, когда люди верили, что завтра будет лучше, чем вчера. Он видел 1991-й, когда мир рухнул и перестроился заново. Он видел 2026-й, когда человек уже почти разучился мечтать.

И он видел дальше. Гораздо дальше.

— Времени осталось мало, — сказал он, и в голосе его слышалась печаль, которая не помещалась в одно человеческое сердце. — Или много. Это зависит от того, как считать.

Он поднялся из-за стола — медленно, с трудом, но в этой медлительности не было немоции. Было достоинство. Он подошёл к окну и раздвинул доски — и в комнату хлынул свет. Не солнечный, а какой-то другой: серебристый, холодный, будто лунный.

За окном не было города. Там простиралась бесконечная равнина, покрытая странной травой — она переливалась всеми оттенками синего и фиолетового, как северное сияние, застывшее на земле. Вдалеке виднелись силуэты зданий — но не тех, что строят люди. Они были сделаны из стекла

и света, они росли из земли, как кристаллы, и в них не было ни одного прямого угла.

— Красиво, правда? — спросил старик у пустоты. — Но люди не готовы. Ещё нет. Им нужно сначала понять, что они потеряли. А потом — что они обрели.

Он повернулся к столу и взял часы в руки. Те сразу же изменили ход — стрелки начали вращаться медленно, почти торжественно, будто отсчитывая секунды до чего-то важного.

— Скоро, — сказал он. — Очень скоро.

И добавил шёпотом, который был слышен только мёртвым вещам в этой комнате:

— Прости меня, Андрей. За всё, что тебе придётся пережить. Но кто-то должен это сделать. И я выбрал тебя.

Внезапно свет за окном погас. Равнина исчезла — вместо неё снова была стена соседнего дома, серая и облезлая, с граффити, которые нанесли ещё в прошлом году. Комната погрузилась в темноту.

Только часы продолжали светиться — слабым, теплым светом, как ночник в детской комнате.

Старик исчез. Испарился, будто его никогда и не было. Только на столе остались часы, и лёгкий след от пальцев на бархатной подушке.

И тишина.

Но в этой тишине слышалось что-то ещё. Шёпот. Тысячи голосов, которые говорили на разных языках, но повторяли

одно и то же:

«Между вчера и завтра... Между вчера и завтра...»

Часть I. Человек, который потерял время

Глава 1. Последний день обычной жизни

Андрей Волков проснулся от того, что кто-то настойчиво стучал в дверь.

Стук был уверенным, ритмичным, с паузами ровно в три секунды. Это мог быть только один человек — его соседка снизу, Марья Петровна, которая считала своим долгом контролировать распорядок дня всех жильцов подъезда.

— Андрей Иванович! — донеслось из коридора. Голос был громким, пронзительным, с металлическими нотками, свойственными всем женщинам за семьдесят, которые привыкли командовать жизнью других людей. — Вы опять проспали! Одиннадцать часов уже, а вы всё в постели! Так нельзя!

Андрей открыл глаза и уставился в потолок. На потолке было пятно — тёмное, расплывчатое, оно напоминало карту незнакомой страны. Он смотрел на это пятно каждое утро последние три года, но так и не решился вызвать мастера, чтобы его закрасить. В конце концов, оно стало частью его жизни — как привычка не завтракать или как ощущение, что впереди нет ничего, что стоило бы ждать.

— Я не сплю! — крикнул он в ответ, хотя голос прозвучал

чал хрипло и неубедительно. Он сел на кровати и потёр лицо ладонями. Кожа была влажной от пота, хотя в комнате было не жарко — наоборот, прохладно, как в склепе. Центральное отопление в доме отключили ещё две недели назад, а новый сезон обещали дать только через месяц.

— Я слышу, что вы спите! — не унималась Марья Петровна. — Вставайте, негоже так валяться! И дрова закажите, а то зимой замёрзнете!

— У меня электрическое отопление, — пробормотал Андрей, но Марья Петровна, конечно, его не услышала. Или сделала вид, что не услышала.

— Я сейчас уйду, — сказала она, — а вы вставайте! И не забудьте, что сегодня надо мусор вынести, а то ваш пакет уже вторую неделю в коридоре стоит, на него уже мухи слетаться начали, а весна только-только...

Голос стих. Андрей прислушался — в коридоре раздавались удаляющиеся шаги, и наконец хлопнула дверь соседней квартиры.

Он выдохнул и откинулся на подушку.

Его квартира была небольшой — студия в панельном доме на окраине города, которую он снимал уже пять лет. Ремонт здесь не делали, наверное, с девяностых: обои в коридоре были когда-то зелёными, а теперь превратились в мутно-болотное пятно, которое меняло оттенок в зависимости от освещения. Пол скрипел в трёх местах: у входа, в середине комнаты и у кухонной стойки. Андрей знал каждый скрип,

как знают голос старого друга, который всё реже звонит.

На стенах не было картин, только несколько полок с книгами, которые никто никогда не читал. Андрей любил покупать книги, но ненавидел их читать. Это звучало странно даже для него самого — но именно так он жил последние годы. Собирал вещи, которые никогда не использовал. Хранил воспоминания, которые боялся вспоминать.

Он встал с кровати и подошёл к узкому окну. За окном был серый день — не утро, не вечер, а та самая середина дня, когда солнце зависает в небе на месте, словно забыло, куда двигаться. Небо казалось натянутой тканью, которая вот-вот порвётся под тяжестью облаков.

Двор был таким же серым. Дети не играли на площадке, потому что площадка развалилась ещё три года назад, и никто её не восстанавливал. Пенсионеры не сидели на скамейках, потому что скамейки снесли во время последнего «благоустройства», заменив их странными металлическими конструкциями, на которых невозможно было сидеть. Редкие прохожие двигались по тротуару, как тени, — быстрые, молчаливые, занятые собственными делами.

Андрей смотрел на этот двор и думал о том, что когда-то, в детстве, он был другим. Или это ему только казалось?

— Время, — прошептал он, коснувшись пальцами холодного стекла. — Господи, как же ты быстро идёшь.

Он отошёл от окна и направился в ванную. Ванная комната была крошечной — туда с трудом помещались раковина,

унитаз и душевая кабина, дверца которой не закрывалась до конца. Зеркало над раковиной было запотевшим, и Андрей провёл по нему ладонью, стирая влагу.

Из зеркала на него смотрел человек.

Ему было тридцать восемь лет, но он выглядел старше. Волосы начинали седеть у висков, хотя отец его сохранил чёрные волосы почти до пятидесяти. Глаза были усталыми, с тёмными кругами под ними, которые не проходили, даже если он спал по двенадцать часов. На лбу залегла вертикальная морщина — та самая, которую называют «морщиной мыслителя», хотя Андрей не думал, что она появилась от избытка размышлений. Скорее от избытка тревоги.

Он был некрасивым. Нет, не в том смысле, что уродливым — просто лицо его не запоминалось. Среднестатистические черты, среднестатистическая фигура, среднестатистическая жизнь. Человек, которого вы встречали в метро, но не можете вспомнить уже через пять минут.

— Привет, — сказал он своему отражению. — Как там дела, у тебя всё ещё ничего?

Отражение не ответило. Отражения вообще редко отвечают, если ты не психически болен.

Он принял душ — настолько горячий, что пар заполнил всю комнату и стал вытекать в коридор. Стоя под струями воды, Андрей закрыл глаза и позволил себе на несколько минут перестать думать. Просто стоять и чувствовать тепло. Это было лучшее время его дня — те пять минут, когда он мог

отключить голову и не вспоминать о том, что его ждёт снаружи.

Но даже здесь, в душе, воспоминания находили его.

Они были такие же горячие и обжигающие, как вода.

Он вспомнил отца — высокого, худого, с вечно взъерошенными волосами и руками, испачканными чернилами. Отец писал. Писал всегда. Когда Андрей просыпался ночью и боялся темноты, он слышал, как отец что-то набирает на старой печатной машинке в своей комнате, — звук был ритмичным, успокаивающим, как сердцебиение огромного города. Андрей засыпал под этот звук.

Потом звук исчез.

Это случилось, когда Андрею было четырнадцать. Отец уехал в командировку — так сказала мать. Но Андрей уже тогда знал, что это была не командировка. Слишком долгая. Слишком странная. Когда он спросил у матери, когда папа вернётся, она посмотрела на него с таким выражением лица, какое бывает у людей, которые только что пережили катастрофу и ещё не поняли, что они живы.

«Он не вернётся», — сказала мать.

И больше никогда не говорила об отце. Совсем.

Андрей выключил воду и вышел из душа, дрожа от контраста между горячей водой и прохладным воздухом. Он обернул полотенце вокруг талии и снова посмотрел на себя в зеркало. Теперь он видел не только лицо — он видел шрамы. Маленькие, незаметные для посторонних глаз, но они были.

Шрам на левой ладони — от того самого дня, когда он разбил стекло в школе, потому что одноклассники смеялись над его отцом. «Твой папа — сумасшедший», — говорили они. «Он врёт, что нашёл машину времени». Андрей ударил кулаком по стеклу, и осколок рассек кожу. С тех пор прошло больше двадцати лет, но шрам остался — напоминание о том, как ярость может быть сильнее боли.

Андрей оделся быстро — джинсы, футболка, клетчатая рубашка поверх неё. Обувь выбирал не глядя: потёртые ботинки, которые он нёс в ремонт уже трижды. Сегодня был день, когда ему нужно было на работу, и хотя работа не приносила ему радости, он всё равно собирался, потому что иначе не знал, чем заполнить пустоту.

Работа.

Андрей был историком и архивистом. Это звучало солидно, но на деле означало, что он сидит в подвале старого здания, окружённый пыльными папками, и разбирает документы, которые никто никогда не будет читать. Он работал в муниципальном архиве — туда приносят бумаги из разных организаций: старые ведомости, акты, протоколы. Всё это надо сортировать, систематизировать, описывать. Никакой романтики. Никаких сенсационных находок. Только бумага, пыль и тишина.

Коллеги относились к нему с лёгким пренебрежением — не потому, что он был плохим специалистом, а потому, что он не умел просить повышения, не участвовал в интригах,

не ездил на конференции. Он просто делал свою работу. И делал её хорошо — может быть, даже слишком хорошо для того, что платили.

Но сегодня был особенный день.

Он узнал об этом, когда проверил телефон, который оставил на зарядке у кровати. Там было сообщение от начальницы:

«Андрей Иванович, зайдите ко мне сразу как появитесь. Есть срочное поручение. Что-то связанное со старой городской застройкой, вам должно быть интересно. Жду».

Андрей нахмурился. Начальница, Ольга Сергеевна, никогда не писала ему сообщений — только звонила, если было действительно что-то важное. И никогда не использовала такие фразы, как «вам должно быть интересно». Она была женщиной практичной, сухой, не склонной к эмоциональным оценкам.

«Странно», — подумал Андрей, убирая телефон в карман. — «Очень странно».

Он вышел из квартиры и спустился по лестнице. Подъезд был таким же серым, как и его комната: стены покрыты слоями краски, которая отслаивалась, как старая кожа, лифт не работал уже год, а в углу на первом этаже стояла стопка неиспользованных листовок — их приносили агитаторы, но никто их не брал.

На улице его встретил ветер. Мартовский ветер, влажный и резкий, он приносил с собой запах талой земли и первое

ощущение весны, которая ещё не решила, наступить ей или отложить до апреля. Андрей застегнул куртку и быстрым шагом направился к остановке.

Троллейбус пришёл через пять минут — старый, дребезжащий, с надписью на борту, которую почти не было видно. Андрей залез в салон, кивнул водителю и сел у окна. Рядом с ним устроилась женщина с двумя сумками, из которых торчал лук. Пахло луком. Пахло автобусом. Пахло жизнью — той самой, обычной, повторяющейся.

Он смотрел в окно на проплывающие дома. Одинаковые панельные пятиэтажки, магазины с кричащими вывесками, остановки с мокрыми скамейками. Всё это было ему знакомо до боли, до тошноты. Он знал, что за углом будет ещё один такой же дом, а за ним — ещё один. И так до самого горизонта.

Горизонта в городе не было. Только серое небо, которое сливалось с серой землёй.

— Знаешь, — сказал он мысленно самому себе, — если бы кто-то сказал мне десять лет назад, что я буду жить вот так, я бы рассмеялся ему в лицо.

Десять лет назад он был другим. Он писал диссертацию о социальных изменениях в послевоенном СССР, встречался с девушкой по имени Катя, строил планы на будущее. Планы были большими: защита, научная карьера, возможно, переезд в Москву. Они с Катей даже обсуждали, как назовут детей, если у них родится мальчик.

Потом Катя ушла. Не ушла даже — исчезла. Как отец. Сначала она перестала отвечать на звонки, потом перестала открывать дверь. Андрей приходил к ней домой, но соседи говорили, что она съехала. Ни записки, ни объяснения, ни прощания.

Он так и не узнал, почему.

И с тех пор перестал строить планы. Потому что планы имеют свойство разрушаться, оставляя после себя только боль и пустоту.

Троллейбус остановился на нужной остановке. Андрей вышел и направился к зданию архива — старому кирпичному трёхэтажному дому, который стоял во дворе за двумя другими, более новыми зданиями. Чтобы найти его, нужно было знать, куда идти: с улицы его не было видно, только узкий проход между магазином электроники и парикмахерской.

Архив встречал Андрея привычным запахом — смесью старой бумаги, пыли и машинного масла. Внутри было тихо и темно, горела только пара ламп под потолком. Стены были обиты деревянными панелями, которые когда-то, возможно, выглядели благородно, но теперь превратились в тёмные, почти чёрные прямоугольники.

— Андрей Иванович! — окликнули его из-за стойки. Это была его коллега, Татьяна, женщина лет пятидесяти с вечно недовольным лицом и вечно покрасневшими от аллергии глазами. — Ольга Сергеевна вас ждёт. Велела зайти сразу.

— Спасибо, — кивнул Андрей и направился к лестнице.

Кабинет начальницы находился на втором этаже, в самом конце коридора. Андрей постучал и, услышав «войдите», открыл дверь.

Ольга Сергеевна сидела за столом — невысокая, плотная женщина с короткой стрижкой и острым взглядом, который мог бы испугать даже опытного сотрудника ГИБДД. На ней был строгий костюм, очки в металлической оправе. Перед ней лежала папка — толстая, старая, с пожелтевшими бумагами.

— Садитесь, Андрей Иванович, — сказала она, указывая на стул. Голос был деловым, но в нём чувствовалось что-то странное — лёгкая нервозность, что ли.

Андрей сел. Под стулом скрипнуло — он вспомнил, что скрип пола в кабинете начальницы был на одно место выше его собственного скрипа в квартире. Мелочь, но она заставила его улыбнуться внутренне.

— Я не буду ходить вокруг да около, — начала Ольга Сергеевна. — Сегодня утром мне позвонили из городского управления архитектуры. На улице Кирова собираются сносить старый дом — тот самый, который стоит за почтой. Помните его?

Андрей кивнул. Он знал этот дом. Он работал с документами по нему несколько лет назад, когда готовил отчёт о зданиях, представляющих историческую ценность. Дом был построен в начале XX века, принадлежал купцу, потом был

национализирован, потом в нём располагались разные учреждения. Ничего особенного, если не считать того факта, что в подвале этого дома когда-то работала часовая мастерская.

— Помню, — сказал Андрей. — Дом Соловьёвых, кажется. Или я путаю?

— Нет, правильно. Но дело не в этом. Дело в том, что перед сносом необходимо провести полное обследование дома и вывезти то, что может представлять историческую ценность. Архитекторы дали нам три дня. Три дня, Андрей Иванович, чтобы всё осмотреть, описать и, если нужно, вывезти.

Андрей нахмурился.

— Обычно на это дают больше времени.

— Обычно — да. Но сейчас необычная ситуация. Застройщик торопится, у него есть разрешение на снос, а мы, к сожалению, не можем его приостановить. Поэтому — три дня. И я поручаю это вам.

Она подвинула папку к нему.

— Там ключи от дома, план здания, копии старых документов. Изучите. Сегодня же съездите и посмотрите. Мне нужен детальный отчёт.

Андрей взял папку. Она была тяжёлой — гораздо тяжелее, чем могла бы быть обычная бумажная папка. Внутри, он чувствовал, было что-то ещё, но он не стал проверять при начальнице.

— Хорошо, Ольга Сергеевна. Я займусь.

— Только прошу вас, будьте внимательны. — В её голосе

послышалась странная интонация, почти тревога. — В этом доме... в общем, я не знаю, что вы там найдёте. Но если увидите что-то необычное, звоните мне сразу. Даже ночью.

Она достала из ящика стола визитку с номером мобильного и протянула ему. Андрей удивился — раньше у начальницы не было привычки давать личные номера.

— Что-то случилось? — спросил он.

Ольга Сергеевна посмотрела на него долгим взглядом. В её глазах мелькнуло что-то, чего он не мог прочесть — страх? Надежда? Печаль?

— Ничего, — сказала она. — Просто старый дом. Вы знаете, я всегда была суеверной.

Она улыбнулась, но улыбка вышла вымученной.

Андрей не стал задавать больше вопросов. Он встал, взял папку и направился к выходу. Но уже у двери услышал голос начальницы:

— Андрей Иванович. Вы когда-нибудь слышали о часах, которые могут измерять не время, а что-то другое?

Он обернулся. Ольга Сергеевна смотрела на него странным, пристальным взглядом.

— Что? — переспросил он.

— Ничего. Забудьте. Идите.

Она отвернулась к окну, давая понять, что разговор окончен.

Андрей вышел из кабинета, и в голове его зазвучали странные слова.

«Часы, которые могут измерять не время...»

Он покачал головой и спустился в подвал, где находилось его рабочее место. Там было ещё темнее и пыльнее, чем в коридоре. Лампы под потолком гудели и мерцали, как уставшие светлячки. Андрей сел за свой стол, открыл папку и начал просматривать документы.

Всё было обычным: планы здания, разрешения, заключения. Но в середине папки он нашёл то, чего не ожидал увидеть.

Старая фотография.

Чёрно-белая, пожелтевшая по краям, она изображала комнату — мастерскую с высокими окнами и длинным дуговым столом. На столе стояли часы, но Андрей не мог разглядеть их — фотография была слишком тёмной. Зато он мог разглядеть человека, сидящего за столом.

Это был его отец.

Молодой, лет тридцати, с улыбкой на лице. Он держал в руках какие-то инструменты и смотрел в камеру так, будто знал, что его фотография попадёт к сыну через много лет.

Андрей перевернул фотографию. На обратной стороне была надпись, сделанная каллиграфическим почерком:

«Нашему сыну. В день его рождения. Я хочу, чтобы когда-нибудь он увидел этот мир таким, каким я его вижу. И тогда он поймёт, зачем я ушёл.»

Подпись была отцовской. Андрей знал этот почерк — он не изменился за все эти годы.

Руки его задрожали. Сердце забилося быстрее, чем должно было биться у человека, который просто сидит на стуле в пыльном подвале.

— Что за чертовщина? — прошептал он.

Фотография датировалась 1987 годом. Это было за два года до того, как отец исчез.

Андрей вглядывался в лицо отца, пытаясь найти ответы в этой улыбке. Но улыбка ничего не объясняла — она только задавала новые вопросы.

Почему отец смотрел с такой уверенностью? Почему он знал, что сын когда-нибудь найдёт эту фотографию?

И главное — какие часы стояли на столе?

Андрей провёл пальцем по краю фотографии, и на мгновение ему показалось, что он чувствует тепло — будто только что кто-то держал это фото в руках. Но в подвале было холодно, и тепло было воображаемым.

— Ладно, — сказал он сам себе, беря ключи от дома на улице Кирова. — Пора выяснить, что здесь происходит.

Он поднялся из подвала и направился к выходу. В коридоре его перехватила Татьяна:

— Андрей Иванович, вы куда? У нас же совещание в три часа!

— У меня срочное поручение, — ответил он, не останавливаясь. — Скажите Ольге Сергеевне, что я всё сделаю.

— Но...

— Всё, Таня. Потом.

Он вышел на улицу, и мартовский ветер ударил ему в лицо, отрезвляя. Он глубоко вдохнул, потом выдохнул и посмотрел на небо, где между облаками пробивался тонкий луч солнца.

«Зачем ты ушёл, отец?» — спросил он мысленно. — «Что ты хотел мне сказать?»

Небо не ответило.

Но в кармане его куртки лежала фотография, и она была тёплой, хотя воздух вокруг был холодным.

Глава 2. Мастерская на улице Кирова

Улица Кирова была одной из тех старых улиц, которые помнили ещё царскую Россию. Её не переименовывали в советские годы, не застраивали хрущёвками, не прокладывали троллейбусные линии — она осталась такой же узкой, извилистой, с домами, которые прижимались друг к другу, как старые друзья, пережившие вместе войны, революции и экономические кризисы.

Дом, который нужно было обследовать, стоял в конце улицы, за почтовым отделением. Он был трёхэтажным, из красного кирпича, с высокими окнами на первом этаже и балконами с ажурными решётками на втором. Входная дверь была деревянной, массивной, с вырезанными на ней цветами и листьями — работа, которую делали ещё до революции.

Андрей подошёл к двери и вставил ключ в замок. Замок скрипнул, но поддался — видимо, кто-то смазывал его

недавно. Он толкнул дверь, и она открылась с протяжным стоном, как живое существо, которое давно не просыпали.

Внутри пахло сыростью и деревом. И чем-то ещё — тем самым запахом машинного масла, который он смутно помнил с детства. У отца в мастерской всегда пахло маслом. И металлом. И чем-то сладковатым, похожим на ваниль.

Андрей включил фонарик на телефоне и осмотрелся.

Прихожая была просторной — высокий потолок, широкий коридор, двери, ведущие в разные комнаты. На стенах висели картины — копии, не оригиналы, но хорошие копии, с позолоченными рамами. Пол был выложен метлахской плиткой, узор которой напоминал звёздное небо. В углу стояла вешалка — массивная, из тёмного дерева, с крючками в виде орлиных голов.

— Красиво, — прошептал Андрей, проведя рукой по перилам лестницы. — Очень красиво.

Но красота была печальной — такой, какая бывает у старых людей, которые одиноко доживают свой век. Всё здесь было заброшено, забыто, покинуто. Словно жизнь вытекла из этого дома и оставила только оболочку.

Он начал осмотр с первого этажа. Там находились бывшие офисы — пустые комнаты с ободранными стенами и досками вместо окон. В одной из комнат он нашёл старый письменный стол, в ящике которого лежали пожелтевшие газеты 1989 года. Андрей пролистал их — всё было обычным: новости о перестройке, первые публикации о Горбачёве, объ-

явления о продаже кооперативных квартир. Ничего особенного.

Но на второй странице он заметил заметку, которая привлекла его внимание.

Она была маленькой, почти незаметной, набранной мелким шрифтом:

«В старой часовой мастерской на улице Кирова обнаружены уникальные механизмы, предположительно, начала XX века. Владелец мастерской, господин Соловьёв, утверждает, что его часы могут показывать не только время, но и...»

Дальше текст был вырезан. Аккуратно, ровно, будто кто-то взял ножницы и удалил всё лишнее.

Андрей перечитал заметку несколько раз, но больше ничего не выяснил. Тогда он спрятал газету в карман и пошёл дальше.

Второй этаж был жилым — комнаты с лепниной на потолке, с паркетом, который давно рассохся и скрипел при каждом шаге. В одной из комнат стояла кровать с металлическими спинками, покрытая пыльным покрывалом. На тумбочке лежала старая книга — «Мастер и Маргарита» издания 1966 года. Андрей открыл её и увидел на титульном листе надпись:

«Елене. С любовью. Всегда».

Он закрыл книгу и положил обратно. Чужая любовь, заставшая в бумаге, показалась ему слишком личной, чтобы её тревожить.

Но третья комната была другой.

Когда он открыл дверь, то замер на пороге.

Это была мастерская. Самая настоящая часовая мастерская, которая сохранилась почти в идеальном состоянии. Длинный дубовый стол стоял у окна, на нём — инструменты: пинцеты, отвёртки, маленькие молоточки, лупы. Вдоль стен шли стеллажи с коробками — аккуратно подписанными, с номерами и датами. На полу стояли старые деревянные стулья с выгнутыми спинками.

И везде висели часы.

На стенах — большие, настенные, с маятниками. На столе — маленькие, карманные, в серебряных и золотых корпусах. В углу — напольные часы, почти трёхметровые, с резными фигурами на циферблате.

Они все не шли.

Или шли, но по-своему. Андрей заметил, что стрелки разных часов показывали разное время: на одних было десять утра, на других — три часа ночи, на третьих — половина шестого. Некоторые часы показывали даты, которых ещё не было, или даты, которые давно прошли.

— Какой-то сумасшедший дом, — прошептал Андрей, оглядываясь.

Он подошёл к столу и провёл рукой по поверхности. Древесина была гладкой, отполированной десятками лет работы. На краю стола он заметил выцарапанные буквы: «А. С. 1982».

Андрей Сергеевич. Его отец.

Сердце снова забилося быстрее. Он сел на один из стульев и закрыл глаза, пытаясь представить, как здесь работал его отец. Как он сидел на этом самом месте, склонившись над механизмами, с лупой в глазу, погружённый в мир шестерёнок и пружин. Как он пах маслом и ванилью. Как он улыбался, когда находил неисправность и исправлял её.

Андрей открыл глаза. На стене перед ним висели часы, которые показались ему знакомыми. Они были меньше остальных, изящные, с белым циферблатом и тонкими чёрными стрелками. На циферблате вместо цифр были странные символы — он видел их только однажды, во сне.

Он встал и подошёл к часам. Снял их со стены — осторожно, будто они могли разбиться от одного прикосновения. Внутри корпуса он заметил что-то — маленькую записку, свёрнутую в трубочку.

Он развернул её с дрожащими руками.

На бумаге было написано:

«Андрей, если ты читаешь это, значит, я был прав. Ты нашёл меня. Вернее, не меня — то, что я оставил. Слушай внимательно: время не линейно. Оно похоже на реку, которая течёт в разные стороны одновременно. Некоторые люди могут войти в эту реку. Я — один из них. И ты тоже сможешь, если захочешь.

Но будь осторожен. Прошрое нельзя изменить без последствий. А будущее нельзя увидеть без боли. Каждое твоё ре-

шение будет иметь цену. Запомни: между вчера и завтра есть только один момент. И он называется «сейчас». Именно в нём ты должен сделать выбор.

Я люблю тебя, сын. Прости, что ушёл. Но я должен был найти ответы. И теперь они здесь, в этой мастерской.

Ищи механизм, который выглядит как часы, но не измеряет время. Он укажет тебе дорогу.

Твой отец».

Андрей перечитал записку три раза. Четыре. Пять. С каждым разом слова казались всё более безумными, но в то же время — странно правдивыми.

— Это розыгрыш, — сказал он вслух. — Кто-то меня разыгрывает. Ольга Сергеевна, Татьяна, кто-то из сотрудников. Это шутка.

Но голос его дрожал. Потому что он знал: это не шутка. Почерк был отцовским — тот самый, с характерным наклоном и небрежными буквами. Андрей помнил его по старым дневникам, по письмам, которые отец писал матери.

Он взял часы с символами и поднес их к свету. Они не были похожи на обычные — внутри них не было привычного механизма. Вместо этого в корпусе поблёскивала какая-то странная субстанция — жидкая, переливающаяся, напоминающая ртуть, но серебристее.

— Что ты такое? — прошептал Андрей, глядя на эту субстанцию.

И в этот момент стрелки часов начали двигаться.

Неравномерно. Сначала медленно, потом быстрее. Они закрутились в бешеном танце, и Андрей почувствовал, как по его телу пробегает электрический ток, не болезненный, но странный — будто кто-то включил его в розетку.

Свет в мастерской начал мерцать. Тени на стенах задвигались, меняя форму. Андрей попытался поставить часы на стол, но не смог — пальцы словно прилипли к корпусу.

— Отпусти! — крикнул он, но часы не слушались. Стрелки вращались всё быстрее, субстанция внутри засветилась ярким серебряным светом, и комната начала расплываться.

Андрей почувствовал, что падает. Куда-то вниз, вверх — он не понимал, он потерял ориентацию в пространстве. Вокруг него вихрем проносились образы: лица людей, улицы, дома, машины. Он видел людей в старомодной одежде, видел длинные очереди у магазинов, видел, как поднимается космический корабль на фоне голубого неба. Он видел Москву 1960-х, Санкт-Петербург начала XX века, строящиеся небоскрёбы будущего.

Он видел всё сразу.

И затем — тишина.

Он лежал на полу. Твёрдом, холодном, из тёмного дерева. Свет в мастерской был тусклым, но не электрическим — свечи. Несколько свечей горели на столе, отбрасывая на стены огромные тени.

Андрей сел и огляделся.

Это была та же комната. Те же стеллажи, те же инстру-

менты. Но здесь было чисто, убрано, жило. На столе стояла чашка с недопитым чаем, а рядом лежала раскрытая книга — на немецком языке.

За окном было темно.

Но не так, как бывает в городе с уличным освещением. Темнота была настоящей — бархатной, густой, с редкими огоньками вдали.

Андрей подошёл к окну и выглянул.

Внизу была та же улица Кирова. Но вместо асфальта — брусчатка. Вместо современных машин — лошадиные повозки. Вместо уличных фонарей — газовые фонари, которые зажигал фонарщик с длинной палкой.

Напротив дома стояла вывеска: «Питейный дом. С. И. Лихачёв».

Сердце Андрея ухнуло вниз.

— Это невозможно, — прошептал он. — Этого не может быть.

Он повернулся к столу и увидел календарь — отрывной, настольный, с датой, напечатанной крупным шрифтом:

14 августа 1914 года.

Андрей пошатнулся и оперся рукой о стену. Стена была тёплой, живой — не такой, как в заброшенном доме.

Он вернулся в прошлое.

Он не знал, как это объяснить, не знал, как это возможно, но он стоял здесь — в комнате, которая была почти такой же, как мастерская его отца, но отличалась деталями, которые

он не замечал сразу.

И в углу комнаты, на стуле, сидел человек.

Старый человек, в сюртуке, с седой бородой. Он смотрел на Андрея с улыбкой, которая была одновременно мудрой и печальной.

— Добро пожаловать, Андрей, — сказал старик. — Я ждал тебя.

Старик поднялся со стула медленно, с достоинством, которое не купишь за деньги и не натренируешь годами. Он был высок — выше Андрея, — и держался прямо, несмотря на возраст. Сюртук его был тёмно-синим, с серебряными пуговицами, а на шее висела тонкая цепочка с медальоном, который поблёскивал в свете свечей.

— Вы меня знаете? — спросил Андрей, и голос его прозвучал глухо, будто он говорил через толщу воды. — Откуда вы знаете моё имя?

Старик улыбнулся, и в улыбке его было столько лет, что Андрею стало не по себе. Это была улыбка человека, который видел слишком много, чтобы удивляться чему-либо.

— Я знаю всех, кто проходит через эту мастерскую, — ответил старик. — А тебя, Андрей, я ждал особенно долго. Твой отец говорил о тебе. Он был моим лучшим учеником.

Андрей сделал шаг назад, инстинктивно ища опору, но за спиной был только пустой стул, на котором он сидел минуту назад. Комната казалась одновременно знакомой и чужой — та же планировка, но мебель другая, более старая, более

массивная. Вместо лампы под потолком висела керосиновая лампа, а на подоконнике стояла керосиновая же лампа поменьше.

— Мой отец? — переспросил Андрей, чувствуя, как слова застревают в горле. — Он был здесь? В этом времени?

— Он был во многих временах, — ответил старик, подходя ближе. В его руке появились часы — такие же, как те, которые держал Андрей, только с тёмным, почти чёрным циферблатом. — Так же, как и ты сейчас. Но ты ещё не понимаешь, что с тобой случилось. Ты думаешь, что сошёл с ума или что это сон.

Андрей прикусил губу. Боль была настоящей. Он провёл рукой по столу — дерево было твёрдым, с мелкими царапинами и каплями воска от свечей. Реальность не поддавалась сомнению.

— Если это сон, — сказал он, стараясь говорить твёрже, — то почему я чувствую запах свечей? Почему я слышу, как где-то внизу скрипит телега? Или стучит молот? Это слишком реально для сна.

— Именно, — кивнул старик. — Это не сон. Ты действительно находишься в 1914 году. Июль, если быть точным. До начала Великой войны осталось меньше месяца, хотя никто в этом городе ещё не знает об этом.

Андрей почувствовал, как по спине пробежал холод. 1914 год, Первая мировая. Он знал историю, он был историком — он знал, что этот год изменит мир навсегда. Но стоять в этом

мире, дышать этим воздухом — это было совсем другое.

— Но как? — выдохнул он. — Как это возможно? Машина времени — это теория, фантастика!

— Ты держишь её в руках, — старик указал на часы, которые Андрей всё ещё сжимал в ладони. — Они выглядят как обычные карманные часы, но на самом деле они — проводник. Канал между разными точками пространства-времени. Их создали не люди, но люди научились ими пользоваться. Твой отец был одним из первых, кто освоил это искусство.

Андрей посмотрел на часы. Теперь они не вращались бесшумно, как несколько минут назад — стрелки застыли на одной позиции, показывая без пяти полночь. Субстанция внутри переливалась спокойно, мерцая, как ртуть в банке.

— И мой отец... он путешествовал во времени?

— Да. И он оставил тебе послание. Не то, что ты нашёл в записке — это было только приглашение. Настоящее послание скрыто глубже. Ты должен найти его, чтобы понять, почему он ушёл и что он нашёл.

Старик подошёл к стеллажу и снял с полки маленькую шкатулку — тёмного дерева, инкрустированную перламутром. Он открыл её и достал оттуда потрёпанный дневник в кожаном переплёте.

— Это дневник твоего отца. Он начал вести его в 1987 году, когда только начал свои исследования. Но последняя запись, как ты увидишь, датирована 2039 годом. Твой отец знал, что ты когда-нибудь найдёшь эту мастерскую. Он оста-

вил это для тебя.

Андрей взял дневник. Он был тёплым, как будто его только что держали в руках. На обложке был вытиснен герб — часы, окружённые змеей, кусающей собственный хвост. Символ вечности.

— Но как я вернусь обратно? — спросил он, внезапно осознав, что находится в прошлом без возможности позвонить или написать. — Я не могу здесь остаться!

— Ты и не останешься, — старик улыбнулся, и в его глазах мелькнула грусть. — Это был пробный рывок. Непреднамеренный. Часы почувствовали твоё присутствие и перенесли тебя сюда, но ты не сможешь задержаться дольше, чем на несколько минут. Пока ты не научишься управлять механизмом, перемещения будут короткими и спонтанными.

— И когда я вернусь? — Андрей чувствовал, как комната начинает слегка расплываться, как будто он смотрел на неё сквозь воду.

— Скоро. Очень скоро. Но я прошу тебя об одном, Андрей: не пытайся изменить то, что увидишь в прошлом. Не сейчас. Сначала прочитай дневник, пойми, что искал твой отец. Иначе ты совершишь ошибку, которую не исправить даже временем.

Андрей хотел что-то спросить, но комната поплыла окончательно. Очертания предметов стали размытыми, звуки — далёкими, как эхо в горах. Он почувствовал, что теряет сознание, и последнее, что он увидел, — это лицо старика, ко-

торый смотрел на него с надеждой и печалью.

— Встретимся ещё, — услышал он сквозь шум. — Когда ты будешь готов.

Он очнулся на полу мастерской.

Но уже другой мастерской — той самой, заброшенной, с пылью и паутиной. Свет пробивался сквозь щели в заколоченных окнах, было утро или день, он не мог определить. Часы с символами лежали рядом, на деревянном полу, и их стрелки неподвижно застыли на двенадцати.

Андрей сел и огляделся. Всё было так же, как и до его... путешествия. Тот же стол, те же стеллажи, та же пыль. Но в руке он сжимал что-то твёрдое — дневник в кожаном переплёте.

Он действительно был там. Это не было галлюцинацией.

Андрей поднёс дневник к глазам и открыл первую страницу. Почерк отца — острый, наклонный, с небрежными завитушками. Дата: 15 марта 1987 года.

«Сегодня я впервые увидел часы, которые не подчиняются законам физики. Соловьёв показал мне механизм, и я понял: всё, во что я верил до сих пор, было лишь малой частью правды. Мир гораздо больше, чем мы думаем. И время — не линия, а сфера. Ты можешь двигаться по ней, как по глобусу. Я должен понять, как это работает. Ради Андрея. Ради его будущего».

Андрей перевернул страницу. Сердце его колотилось где-

то в горле, руки дрожали.

Он пролистал дневник, читая отдельные записи — 1990 год, 1995, 2001. Отец писал о своих путешествиях, о встречах с людьми из разных эпох, о странных парадоксах, которые возникали при вмешательстве в историю. Он говорил о «законе сохранения судеб» — о том, что каждое изменение в прошлом создаёт новую ветвь реальности, не стирая старую.

И наконец, последняя страница.

Дата: 3 сентября 2039 года.

Андрей замер. 2039 год — это будущее. Будущее, которого ещё не было. Он провёл пальцем по бумаге, проверяя, не чернила ли это, не ошибка ли. Нет. Бумага была старой, пожелтевшей, но дата была написана чётко, уверенно.

«Андрей, если ты читаешь это, значит, мир, в котором мы живём, всё ещё существует. Не тот мир, который ты знаешь, а тот, который ты создашь своими выборами. Я не могу сказать тебе всего в одной записи. Но я должен сказать главное: машина времени была создана не для того, чтобы исправлять ошибки прошлого. Она была создана для того, чтобы мы поняли: ошибки — это не то, что нужно исправлять. Это то, что нужно принимать.

Я ушёл, потому что хотел спасти тебя. Не от смерти — от пустоты. От жизни, в которой нет смысла. Ты думаешь, что я бросил тебя. Но на самом деле я оставил тебе ключ. Теперь твоя очередь — решить, как им воспользоваться.

Люблю тебя больше, чем ты можешь представить.

Твой отец».

Андрей закрыл дневник и уставился в стену. Слезы выступили на глазах, но он не дал им пролиться — стиснул зубы, сжал кулаки. Боль была острой, как и двадцать лет назад, когда он узнал, что отец не вернётся.

— Почему ты не сказал мне всё это раньше? — прошептал он, обращаясь к пустоте. — Почему ты оставил меня одного?

Ответа не было. Только часы на столе мерцали, как будто знали что-то, чего не знал он.

Андрей посмотрел на них и вдруг понял: он должен вернуться в 1914 год. Он должен поговорить со стариком, узнать больше. Но для этого нужно научиться управлять механизмом.

Он открыл дневник на середине и начал читать с первой записи, где отец описывал устройство часов. Это было сложно — технические термины, схемы, теории, которых он никогда не слышал. Но он был историком, он привык читать старые документы, привык разбираться в деталях.

И по мере того как он читал, перед ним открывался мир, о существовании которого он даже не подозревал.

Отец оказался не просто инженером-любителем. Он был гением. Он нашёл способ не только путешествовать во времени, но и сохранять память о каждом перемещении — чтобы не терять себя в бесконечности эпох.

— Чёрт возьми, папа, — выдохнул Андрей, закрывая дневник. — Ты был настоящим волшебником.

Он поднялся с пола и снова взял в руки часы. На этот раз он держал их увереннее, не боясь, что они вырвутся. Он знал, что нужно делать — отец описал это в дневнике. Нужно было мысленно представить время, в которое хочешь попасть, и вращать заводную головку определённым образом.

Он закрыл глаза и представил 1968 год. Год, когда его отец был молод. Год, когда всё начиналось.

Он повернул головку.

Ничего не произошло.

— Чёрт, — выругался он. — Что я делаю не так?

Он снова открыл дневник и перечитал описание. Оказалось, что необходимо не просто представить время, но и сосредоточиться на эмоциональной связи с ним. Найти точку привязки — событие, человека, место.

Андрей подумал об отце. О том, каким он был молодым — смеющимся, энергичным, полным надежд. О фотографии, которую он нашёл в архиве. О доме, где они жили, — старом, деревянном, с палисадником и яблоней во дворе.

Он представил, как отец стоит у этой яблони весной, когда на ней расцветают белые цветы, и улыбается солнцу.

Стрелки часов дрогнули.

И снова серебряный свет окутал его — только на этот раз мягче, спокойнее. Андрей почувствовал, как тело его становится лёгким, как будто он превращается в дым.

Он открыл глаза.

Вокруг было небо. Голубое, безоблачное, с ярким солн-

цем, которое слепило глаза. Он стоял на улице, которая была ему смутно знакома, но выглядела иначе — асфальт был новым, дома — свежевыкрашенными, вдоль дороги стояли старые автомобили, которые сейчас можно увидеть только в музеях.

И посреди улицы, у старой яблони, стоял человек.

Молодой, высокий, с чёрными волосами и улыбкой на лице. Он смотрел вверх, на ветви, и что-то напевал.

Это был его отец.

Тридцатилетний, живой, настоящий.

Андрей стоял в десяти шагах от него и не мог пошевелиться. Слова застревали в горле.

Отец повернулся к нему и, увидев, улыбнулся ещё шире.

— Привет, — сказал он просто, как будто они виделись вчера. — Ты пришёл. Я знал, что ты придёшь.

И в глазах его Андрей увидел ту же искру, что и на старой фотографии — ту самую, которая говорила о том, что этот человек знает что-то, что скрыто от других.

— Папа? — выдавил Андрей.

— Да, сын. — Отец шагнул к нему. — Я здесь. И я так рад тебя видеть.

Он протянул руку, и Андрей, не веря сам себе, пожал её. Рука была тёплой, живой, с мозолями на пальцах — теми самыми, которые он помнил с детства.

Это был не сон. Это было реальностью.

И в тот момент Андрей понял: его жизнь больше никогда

не будет прежней.

Глава 3. Запись, которой не должно быть

Домой Андрей возвращался в сумерках. Город окрасился в тёмно-синие тона, фонари зажглись не одновременно, а с задержкой, как будто кто-то лениво щёлкал выключателем. Он шёл по мокрому асфальту, и в голове его звучал голос старика из 1914 года: *«Ты держишь её в руках»*.

Он сжимал в кармане дневник — тот самый, кожаный, с вытисненным гербом. Казалось, книга пульсировала в такт сердцу, будто была живой.

Квартира встретила его привычной тишиной, но теперь она казалась не успокаивающей, а тревожной. Андрей запер дверь на все замки, прошёл на кухню, включил свет — лампа под потолком зажужжала и замигала, прежде чем разгореться в полную силу. Он поставил чайник, но даже не дождался, пока закипит — сел за кухонный стол и раскрыл дневник на первой странице.

Пальцы дрожали. Он провёл ладонью по бумаге — она была шершавой, чуть пожелтевшей, с запахом старой типографии и табака. Отцовский почерк прыгал перед глазами, но Андрей заставил себя читать медленно, вдумчиво.

Записи начинались с 1987 года.

«15 марта. Сегодня Соловьёв показал мне механизм. Я не спал всю ночь. Тысячи шестерёнок, каждая из которых вращается не по законам физики, а по каким-то иным правилам. Он сказал: "Время — это ткань. Если ты умеешь обра-

щаться с иглой, ты можешь вышивать на ней новые узоры. Но если ошибаешься — ткань рвётся." Я не знаю, смогу ли я когда-нибудь научиться этому. Но я должен попытаться. Ради Андрея.»

Андрей перевернул страницу. Дальше шли технические схемы — наброски механизмов, расчёты, формулы. Он не понимал их, но чувствовал, что за каждым символом стоит колоссальный труд.

«12 июня 1988. Я совершил первое перемещение. Всего на пять минут в 1923 год. Вернулся с дикой головной болью, но живой. Соловьёв сказал, что это нормально — организм должен привыкнуть. Я видел Москву НЭПа. Люди улыбались. Даже в очереди за хлебом. Они верили, что строят новую жизнь. Мне стало стыдно за свою тоску. Мы, люди конца века, слишком много жалуемся.»

Андрей усмехнулся. Он узнавал отца в этих строках — тот всегда умел находить свет даже в самых тёмных углах истории.

Но следующая запись заставила его замереть.

«23 декабря 1989. Я видел будущее. Соловьёв отправил меня в 2039 год — всего на несколько минут, но этого хватило. Я стоял на улице, которая когда-то была нашей — той самой, где мы живём сейчас. Но домов уже не было. Вместо них — прозрачные башни, в которых люди не спят и не едят, а просто... существуют. Их сознания загружены в сеть. Тела лежат в капсулах. Они называют это "освобождением". Я

назвал это смертью.

Я видел человека, который вышел из такой башни. Он был стар, но двигался как юноша. Он сказал мне: "Ты из прошлого? Не пытайся нас спасти. Мы не хотим спасаться. Мы счастливы." И тогда я понял: счастье тоже может быть иллюзией. Иллюзией, которую выбирают сами.

Я вернулся и плакал. Соловьёв молчал. Он знал, что я увижу это. Но он не предупредил меня. Зачем? Чтобы я понял: будущее не нужно менять, его нужно понимать.»

Андрей откинулся на спинку стула. В груди колотилось сердце. Он смотрел на дату — 1989 год. Это был последний год, когда отец был с ними. В 1990-м он исчез.

Но в дневнике было ещё много страниц.

Он пролистал вперёд — 1990, 1991, 1995, 2001. Отец писал о путешествиях в разные эпохи: в блокадный Ленинград, в целинные степи, в перестроечную Москву. Он описывал людей, которых встречал, — учёных, рабочих, поэтов, солдат. Каждая запись была пронизана болью и надеждой.

И наконец, последняя страница.

Она была вырвана из дневника? Нет, она была на месте, но текст на ней был написан другим почерком — более твёрдым, более уверенным. И дата стояла: 3 сентября 2039 года.

Андрей почувствовал, как по спине пробежал холод. Он знал этот почерк. Это был почерк его отца, но взрослее, спокойнее, будто писал человек, который видел всё и ничего не боится.

«Андрей, если ты читаешь это, значит, я сделал всё правильно. Ты уже был в 1914-м и в 1968-м. Ты видел меня молодым и старым. Ты знаешь, что я не бросил тебя — я оставил тебе ключ. Но теперь ты должен понять главное: время не является линейным для тех, кто умеет по нему ходить. Для меня твоё детство, твоя юность, твоя зрелость — всё это происходит одновременно. Я вижу тебя и в колыбели, и на твоей свадьбе (да, она будет, хотя ты пока не знаешь), и в тот момент, когда ты читаешь эти строки.

Я ушёл не потому, что меня не было рядом. Я ушёл, чтобы быть рядом всегда. Звучит как парадокс? Так и есть. Время — это и есть парадокс.

Я знаю, что ты боишься ошибиться. Но помни: единственная ошибка, которую нельзя исправить, — это отказ от выбора. Ты должен выбрать. Каждый раз, когда ты берёшь в руки часы, ты выбираешь, каким будет твой мир.

Люблю тебя. Бесконечно. На все времена.

Твой отец.»

Андрей закрыл дневник и устался в стену. Слёзы текли по лицу, но он не вытирал их. Он смотрел на старый буфет, на котором стояла чашка с остывшим чаем, и думал о том, что отец знал о его жизни больше, чем он сам.

— Ты видел мою свадьбу? — прошептал он. — А я даже не знаю, кто она.

Он засмеялся сквозь слёзы — нервно, истерично. Это было слишком. Слишком много правды за один день.

Но в дневнике была ещё одна вещь. Между последними страницами лежал конверт — жёлтый, с сургучной печатью. Андрей вскрыл его дрожащими пальцами.

Внутри была записка, написанная тем же твёрдым почерком:

«Завтра в 11 утра к тебе придёт человек. Он скажет, что пришёл из 2039 года. Не бойся его — он друг. Он объяснит тебе правила игры. Но запомни: у тебя будет всего один шанс отказаться от всего этого. Если ты скажешь "нет", часы перестанут работать, и ты будешь жить обычной жизнью. Но если скажешь "да"... ты увидишь мир, который никто никогда не видел. Выбор за тобой.»

Андрей перечитал записку трижды. Потом посмотрел на настенные часы — они показывали 22:47.

— Завтра в одиннадцать, — прошептал он. — Значит, у меня есть ночь, чтобы решить.

Он не спал всю ночь. Сидел на кухне, листал дневник, смотрел на часы с символами, которые лежали на столе. Иногда он вставал и ходил по комнате, смотрел в окно на тёмный город и думал о том, что где-то там, за этими домами, существует будущее, в котором люди отказались от своей человечности.

И он знал, что не сможет отказаться. Потому что отец оставил ему не просто ключ — он оставил ему миссию.

Глава 4. Человек из 2039 года

Утром Андрей проснулся от резкого звонка в дверь. Он вздрогнул и сел на кровати — он так и не ложился, просто задремал за столом, положив голову на сложенные руки. Часы на стене показывали 10:55.

Он вскочил, поправил помятую рубашку и пошёл открывать. Сердце колотилось где-то в горле, но он заставил себя взять себя в руки.

За дверью стоял мужчина.

Он был высоким, подтянутым, с короткой стрижкой и пронзительными голубыми глазами. Одет он был в обычный костюм — серый, строгий, без галстука. Но Андрей сразу заметил, что ткань костюма странно переливалась, будто была соткана из жидкого металла. И ещё — у мужчины не было тени. Вернее, тень была, но она падала в обратную сторону, как будто свет шёл не от лампы в коридоре, а от самого мужчины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.